

Глава 7. Политическая культура СССР и РФ: общее и особенное

Если С.В. Яров осветил процесс политизации питерского пролетариата в годы революции и военного коммунизма (в том числе, проявление политической нетерпимости и эгалитаризма)¹, то О.В. Великанова реконструировала коллективные представления советских граждан в первое послереволюционное десятилетие и их трансформацию под влиянием официальной пропаганды². В свою очередь, Е.И. Зубкова исследовала отношение населения к политике государства в последние годы сталинского режима³.

7.1. Советская политическая культура: прерывность или преемственность?

Несмотря на резкие разрывы с прошлым, на каждом этапе развития (языческий период, Киевская Русь, Московское царство, Петербургская империя, советский и постсоветский периоды) изменчивость сочеталась с преемственностью. Очевидно, что после большевистской революции не произошло немедленной трансформации политической культуры, а в сталинский период некоторые элементы традиционной политической культуры России даже усилились. Благодаря сочетанию прерывности и преемственности политическая культура России демонстрирует удивительную стойкость своих базовых характеристик. Стойкость этих «констант» и относительная неизменность политического поведения россиян служит одной из причин национальной специфики гражданского общества в России.

Мозаичность и многокомпонентность политического сознания в постреволюционную эпоху отражается через сочетание и конфликт традиции и новации. Например, Советы оказались тесно связаны с традициями общинной «прямой демократии», что обусловило социальную базу поддержки большевистской концепции построения социализма. Для многих людей, выросших в крестьянской общине, обращение большевиков к категориям социальной справедливости, обещание построить «царство Божье» на земле соотносилось с христианскими установками народного восстания. Марксизм воспринимался как социальная религия, на что обратил внимание Н. Бердяев в «Истоках русского коммунизма».

Основные базовые характеристики российской политической культуры, пусть и в несколько трансформированном виде, сохраняются на всем протяжении XX ст. Во-первых, власть в России вне зависимости от смены

¹ Яров С.В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и нэп глазами петроградцев. СПб., 1999; Его же. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; Его же. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

² Великанова О.В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг.: Пер. с англ. Л.Ю. Панфиной. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 295 с.

³ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953. М., 1999.

режимов традиционно имеет авторитарную политико-культурную матрицу, в основе политической жизни лежит сильнейший персонализм, а политические представления населения основываются на стихийном монархизме или «вождизме». Несмотря на специфичность подданничества советского типа (почитание вождей, конформизм, абсолютизация классовых ценностей и отрицание достижений западной демократии) культ вождей оказался тесно переплетенным со стихийным монархизмом части населения.

Во-вторых, этатизм является принципом общественной жизни в России. А из этого вытекают огромная политическая роль бюрократии, патернализм и ориентация гражданина на социальное восхождение вследствие занятия более высокой позиции в государственной иерархии. Тогда как «выключенность» широких народных масс из повседневного политического процесса способствует их политической инертности. История советского периода подтверждает устойчивость патерналистских традиций в России. Все дети младшего школьного возраста были октябрятами — внучатами Ильича. Четверть века страной управлял «отец народов» - И. В. Сталин, а партийные органы осуществляли функции опеки, надзирая, поощряя и наказывая граждан.

В третьих, сохраняется крайняя гетерогенность политической культуры, определяемая существованием субкультур с совершенно различными ценностными ориентациями, отношения между которыми складываются конфронтационно, а порой и антагонистично. В-четвертых, для политической культуры XX века остается характерным стремление к постоянному сокрушению кумиров и выдвижению новых.

Тем не менее, при всех общих чертах, советская политическая культура имеет свои особенности. С одной стороны, она представляет собой целостный продукт идеократической системы. С другой стороны, она трансформировалась вместе с изменением советского общества. Исходной своей точкой советская политическая культура имела революционистскую ментальность, которая с особой силой проявилась в годы Гражданской войны. В свою очередь, форсированная модернизация привела к возникновению мощного слоя маргиналов, потерявших одну культуру и не обретших другой.

Многолетнее засилье советско-партийных СМИ в СССР сформировало у значительной части населения страны определенные политико-культурные стереотипы: с одной стороны, веру в непогрешимость прессы и безоговорочное признание истинности содержащейся в ней информации, и, с другой стороны, - огульное отрицание правдивости официальной информации. Одним из признаков советской политической культуры являлся массовый энтузиазм, который нес огромный мобилизационный заряд. Если в дореволюционном обществе представления о добре и зле определялись религией, то в принципиально атеистическом советском обществе на роль новой религии претендуют коммунистические моральные нормы.

Большевизм усвоил одну из отечественных политических традиций — тяготение народа к сильной государственной власти. В то же время остальные

традиции российской политической культуры и, прежде всего, народоправство, игнорировались.

Новая власть сумела использовать миф «революционного обновления» в полную силу. Духу новой мифологемы вполне отвечал декрет о «рабочем контроле». Даже в период, когда реальный ход событий заставил большевиков создать грандиозную армию, ВЧК и поставить всю промышленность под контроль государства, этот миф продолжал жить и воздействовать на массы. Миф о Боге избранном царе сменил миф о трудовом народе, который, совершив Великую революцию, в лице своих лучших представителей взял власть в свои руки – с тем, чтобы опять идти по единственно верному пути в светлое будущее.

В результате сформировалось политическое сознание народа, отличающееся склонностью к коллективистским проявлениям политического поведения при отсутствии твердых моральных принципов и развитого самосознания, умением обходить государственные запреты и установления в сочетании с признаками иждивенчества за счет государства, а также комплексом неполноценности по отношению к Западу. Характерными признаками советской политической культуры стали устремленность к общественной и политической организации будущего, соотнесение всех своих действий и поступков с реализацией социалистической идеи как идеи мирового счастья, справедливости и всеобщего братства. Общинность трансформировалась в коллективизм, пассивность — в апатию, патриархальность - в устойчивую персонификацию власти, мессианство - в представления о ведущей роли СССР в мировой политике, а мифологизированность сознания стала основой для веры в светлое будущее. Базовыми характеристиками политического сознания «человека советского» выступали: представление о собственной исключительности и сознание собственного превосходства; излишняя вера в авторитет государства, чувство коллектива и склонность к максимализму, иерархичность и имперский характер; «стремление быть как все и не выделяться». В обыденной жизни в стране всегда существовала «бытовая» демократия, более открытая, чем на Западе. Несмотря на жесткие идеологические и политические ограничения, советские люди жили своеобразной политической жизнью, где широко были распространены нелюбимая критика руководителей, политические анекдоты и другие проявления внутренней свободы, правда, на уровне застолья, кухни и курилки.

Что касается политического поведения советского человека, то оно было не менее противоречивым, чем политическое сознание. В категории «человек приспособленный» (по выражению Ю.А. Левады) в советское время оказались люди из самых различных социальных групп: фанатики революционного авантюризма, остатки бывших элит, равно как и бывших низов – крестьяне, мещане, рабочий люд и др. То есть речь идет о массово-поведенческой структуре. Еще одним поведенческим императивом советской истории стала трансформация «человека недовольного» (еще одно определение Ю.А. Левады). Конечно, досоветская, советская и постсоветская история

демонстрируют преобладание терпения над активным протестом, приспособления над бунтом, пассивного недовольства над борьбой за свои права. Хотя в современной России социальные настроения перестали быть молчаливыми и получили выход в политические институты, масс-медиа и на «улицы». Тем не менее, элементы «гражданского общества» были и в советское время, когда действовали многочисленные общественные организации, в которых люди могли реализовать свои индивидуальные и коллективные интересы. Другое дело, что они не могли и не рассматривали себя оппонентами власти.

«Гласность» первых лет перестройки обнаружила отсутствие адекватного социального и политического языка, способного выразить общественное недовольство, и адекватных структур – программ, партий и элит. Отсюда преобладание эмоционального протеста, который довольно быстро стал вырождаться и укладываться в традиционные формы «советского» патернализма и патриотизма. Не удивительно поэтому, что первые вспышки забастовочной борьбы в 1989 году не дали возникновения массовых настроений протеста. Понадобилась политическая поляризация 1993 г., чтобы хаос и тяготы реформ превратились в базы устойчивого и широкого социального недовольства. Однако оно не переросло в социальный взрыв, как это было в России начала XX в.

В условиях социальной мобилизации объективно складывалось три модели поведения – «служения», «мимикрии» и «дезертирства». Примером первой модели поведения может служить образ Павки Корчагина из романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Но основная масса населения в условиях постоянной мобилизации выбирает путь «мимикрии» – приспособления к условиям мобилизации, позволяющего минимизировать усилия и потери. Модель «дезертирства» - уход от реализации задач мобилизации, связанный с выбором тех видов деятельности и условий жизни, где мобилизационное давление было меньше (например, миграция в город) или вообще отсутствовало. В условиях крайней централизации и концентрации власти на верхних этажах средний и нижний уровни управления работают на самосохранение, уклоняясь от принятия решений и от ответственности, занимаясь преимущественно бумажным «производством»⁴.

7.2. Политическая культура современной России

Распад СССР превратил Россию из старинного наименования в реальность, обладающую специфической политической культурой, которая по своей типологии относится к «транзитному» типу, то есть переходному от одного состояния к другому. Для нее характерны следующие черты:

- многослойность, то есть совмещение элементов традиционно-российских (этатизм и авторитаризм,

⁴ Мазур Л.Н. «Человек советский» как результат социального инжиниринга // Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Ч. 2. Советское общество: культура, сознание, поведение / Под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург, 2019. С. 184-185.

солидаризм и коллективизм, мессианизм и персонификация политики, анархизм и нигилизм), советских (коммунистический эсхатологизм и вождизм, «баррикадное сознание» и уравнительность) и западно-модернистских (индивидуализм и ориентация на успех, ценность прав и свобод человека);

- гетерогенность, заключающаяся в сосуществовании множества этнонациональных, региональных, конфессиональных и иных субкультур;

- фрагментарность, проявляющаяся в неопределенности, незавершенности и разорванности установок и ориентаций;

- конфликтность, то есть отсутствие базового консенсуса в обществе по базовым социально-политическим проблемам. При этом конфронтация преломляется через «двойной реванш» - по отношению к революции и сталинизму;

- антииномичность, проявляющаяся в антиномиях типа «этатизм – анархизм», «архаизм – футуризм», «консерватизм – радикализм» и т.п.

Одна из отличительных черт россиян — это высокий уровень межличностного доверия, на который не оказал существенного влияния даже экономический спад 1990-х гг. Практически все виды политических субкультур, представленные в современном российском обществе (исключением можно считать только западно-либеральный тип), опираются, прежде всего, на морально-этические нормы.

Общество современной России, как и раньше, остается объектом политики, а не ее субъектом. Несмотря на его политизированность, очевиден дефицит политических знаний. Большинство населения связывает демократию с ростом экономического благополучия и с равенством всех перед законом. Но при этом большинство россиян затрудняются сказать, что такое «демократия». Российское общественное мнение делает больший акцент на том, что демократия должна не только обеспечивать соблюдение естественных человеческих прав, но и гарантировать достойный уровень жизни и широкие социальные права человека. С учетом этого, понятным становится то, что в российской политической культуре доминирует демонстративная иррациональность, предельно четко выраженная В.С. Черномырдиным: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Наблюдается и архаизация образа страны – попытки восстановить монархически-православную систему ценностей.

Анализ данных ИСПИ РАН показывает, что доля лиц, активно интересующихся политикой (7-10%), в России в 1990-х гг. была близка к аналогичным пропорциям в южноевропейских и латиноамериканских странах. Тогда как доля лиц, в минимальной степени проявляющих интерес к политике, в странах Запада, как правило, в несколько раз выше, чем в нашей стране (7-13%). Наоборот, доля тех, кто пассивно, но с некоторым интересом

следит за политической жизнью, в России составляет 70-80%, что в среднем в 2-2,5 раза выше, чем на Западе.

Главным генератором и хранителем либеральных идей является современный российский мегаполис, населению которого присущи специфические ценностные ориентации: приоритет принципа свободы над принципами равенства и порядка; понимание равенства и справедливости как равенства возможностей, а «порядка» - как «стабильности»; значительная степень толерантности и терпимости по отношению к постоянно проживающим в данном городе вне зависимости от их этнической принадлежности; ощущение «центральности» своего положения, которое порождает «державность» сознания жителей; значительная степень политизированности и та или иная степень оппозиционности к любой власти. Напротив, политическое сознание населения провинции характеризуют следующие черты: приоритет принципов «порядка» и «равенства» перед принципом «свободы»; доминанция идей «урavnительного» равенства; меньшая толерантность по отношению к любой инаковости; абсолютизация власти, патернализм и отсутствие политической инициативы.

Но в конце 1990-х гг. наблюдались разочарование в демократических идеалах и всплеск патерналистских установок в обществе в целом. Социологические исследования фиксировали крайне низкий уровень доверия населения к политической системе современной России. Престиж державности в общественном сознании, наоборот, оказался достаточно высоким (почти 70% опрошенных), как в столице, так и в провинции. В конце 1998 г. по данным Российского независимого института социальных и национальных проблем, более 60% опрошенных требовали наведения в стране элементарного порядка, а почти 50% населения России были готовы принять «нового Сталина».

В российском массовом сознании 1990-х гг. власть выступает инстанцией субъектности и ответственности, то есть именно она «во всем виновата». Люди не чувствуют себя ответственными за страну и правительство, но не перестают ожидать от государства заботы и опеки. В основе политической культуры России остается сложившаяся на протяжении веков подданическая политическая культура, исходящая из решающей роли государства в реформировании всей общественной системы. Поддержка гражданами политического режима оказывается в зависимости от степени удовлетворения их конкретных потребностей со стороны властей. Основная масса населения в ходе реформ 1990-х гг. ждала не просто увеличения степени свободы, а, прежде всего, улучшения жизни. Для этих людей демократия приобретала смысл тогда, когда она способствовала улучшению жизни, усилению порядка и законности. Поэтому низкие оценки деятельности органов власти и демократических институтов в России сопровождалась неверием в их будущее. Ностальгия о «светлом» прошлом чаще всего связывается с социальными гарантиями советской поры. Сегодня имеет место не просто кризис ценностей и политических традиций, но и процесс ресоциализации, когда происходит усвоение новых официальных ценностей.

В качестве таковых сегодня все больше предлагаются идеи защиты государства, учета региональной и исторической специфики страны и патриотизма.

Сохраняющийся миф о разделении власти и управления (аппарата) и сегодня определяет персонализм политической жизни России и преобладание моральных оценок политики и политиков. Избиратели отдают свои голоса в основном за лидеров политических партий и в меньшей степени или вообще никоим образом не связывают свой выбор с программами этих партий. Значительная избирательная активность на президентских выборах и резкое ее снижение при выборах депутатов законодательных и местных органов власти свидетельствуют, что в России власть традиционно олицетворяется ее верховным началом.

Одной из причин абсентеизма является неудовлетворенность современной политической системой. Политической апатии населения способствует хаос в мыслях, отсутствие у большинства людей четко сформулированных интересов и взглядов, чувство недоверия и страха, оценка политики на основе сиюминутных интересов, ориентация на ярких лидеров, нежели на глубокие идеи⁵. Политическая инертность населения также определяется послевыборными разочарованиями, а главное, - общим недоверием к самому институту выборов. Многие россияне считают, что проведение выборов бессмысленно и бесполезно, так как выборные лидеры все равно не обладают реальной властью и потому ничего не решают. Таким образом образовался разрыв между идеалами представительного правления, гражданской политической культурой и политической индифферентностью населения. Протестная активность населения демонстрирует разрыв между декларациями россиян о готовности к участию в протестных акциях и фактическим участием в политических действиях. Лишь малая часть россиян рассматривают митинги и демонстрации как эффективное средство политического воздействия на власть.

Российским населением власть зачастую персонифицируется и при этом уже не рассматривается как единое целое: в восприятии граждан возникают обособленные ориентации на федеральный центр и регион. Практика показывает, что эти восприятия могут носить порой диаметрально противоположный характер. В провинции высока степень властного патернализма, когда местный руководитель рассматривается как единоличный правитель данной территории, наделенный практически неограниченными

⁵ Отметим, что эти настроения оказались присущи не только российскому, но и вообще современному обществу, их выражением стала волна популизма, охватившая, подобно цунами, значительное число стран на разных континентах. Волна правого популизма стала особенно заметна в странах Запада после экономического кризиса 2008- 2010 гг., и получила специфическое выражение в странах Восточной Европы и постсоветского пространства. Недовольство населения политической элитой и деятельностью ключевых институтов власти, а также связанный с этим запрос на сильное лидерство – один из важнейших признаков популистского мирозерцания. В этом смысле Россия оказывается подвержена сходной логике изменения общественных настроений – прим. ред.

полномочиями. Участие в выборах рассматривается как некая почетная обязанность и возможность продемонстрировать свою лояльность руководству.